

А.А. Сулейманов

**Материалы деятельности Комиссии по проблемам Севера
как источник по социально-экономическому положению
аборигенных этносов Советской Арктики в 50-е гг. XX в.**

Аннотация. В статье представлен анализ архивных материалов, относящихся к деятельности созданной в 1955 г. при Президиуме Академии наук СССР Комиссии по проблемам Севера, которая занималась, в том числе, исследованием социально-экономических условий жизни коренных малочисленных народов Советской Арктики. В связи с этим показаны основные положения, выработанные специалистами академических институтов страны и, прежде всего, сотрудниками Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая по результатам полевых изысканий, организованных при участии комиссии в северные районы Советского Союза. Данные положения включали, в том числе, выводы о значительных просчетах, допущенных органами власти при проведении коллективизации и поселкования, реализации непродуманных экспериментов по внедрению нетрадиционных для аборигенных этносов видов сельскохозяйственной деятельности, а также организации торговли и пенитенциарной системы, что привело к алкоголизации и нанесло вред традиционным моральным устоям местного населения. Отмечено значение материалов деятельности комиссии в плане получения объективной информации о социально-экономической ситуации в местах компактного проживания аборигенных этносов Севера и исторической реконструкции условий их жизни.

Ключевые слова: коренные народы Арктики, Академия наук СССР, Комиссия по проблемам Севера, Институт этнографии, научные исследования, экспедиции, социально-экономическая ситуация.

A.A. Suleymanov

**Materials of the activity of the Commission on problems
of the North as a source on socio-economic status of indigenous ethnic groups
of the Soviet Arctic in the 50s of the XX century**

Abstract. The article presents the analysis of archival materials relating to the activity of the Commission on the problems of the North created in 1955 under the Academy of Sciences of the USSR, which, in particular, was engaged in the research of the socio-economic conditions of life of the indigenous people of the Soviet Arctic. In this regard, the article shows the main principles worked out by the specialists of academic institutions of the state and, first of all, be the staff of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography according the results of the field research organized with the participation of the Commission in the Northern regions of the Soviet Union. These principles included, in particular, the conclusions about significant miscalculations made by the authorities during the collectivization and forming of settlements, the implementation of crude experiments on the introduction of agricultural activities which are not traditional for the aboriginal ethnoses, as well as the organization of trade and the penitentiary system which led to alcoholization and harmed the traditional moral principles of the native population.

The article notices the importance of materials of the Commission's activity in respect of obtaining objective information about the social and economic situation in areas of compact settlement of the aboriginal ethnoses of the North and the historical reconstruction of their living conditions.

Key words: indigenous people of the Arctic, Academy of Sciences of the USSR, Commission on problems of the North, Institute of Ethnography, scientific research, expeditions, socio-economic situation.

В последнее десятилетие все большее внимание российских правительственных и деловых кругов, а также представителей средств массовой информации привлекает Арктика. Связано это, в первую очередь, с наличием колоссальных запасов природных ресурсов,

освоение которых видится одной из важнейших задач дальнейшего развития нашей страны. Кроме того, регион служит важным военно-геополитическим плацдармом и имеет значительный транспортно-логистический потенциал.

Другим несомненным богатством Российской Арктики, о котором вспоминают не столь часто, как хотелось бы, является ее население. В северных районах нашей страны проживает целый ряд аборигенных этносов – от саамов на западе до коряков и чукчей на востоке. Сохранение уникальной традиционной культуры этих народов при одновременном повышении качества их жизни являются важными задачами, стоящими перед органами государственной власти Российской Федерации и представителями общественности. Очевидно, что эффективное решение названных задач возможно лишь с учетом огромного и зачастую не имеющего мировых аналогов отечественного опыта транспортно-промышленного и интеллектуального освоения региона. В связи с этим, представляется необходимым обращение к вопросам организации научных изысканий в местах традиционного проживания аборигенных этносов и, в частности, инициатив реализованных под эгидой действовавшей при Академии наук СССР Комиссии по проблемам Севера работа которой, к сожалению, еще не получила должного внимания со стороны историков и теперь основательно подзабыта.

Следует отметить, что 50-е гг. XX в. оказались ознаменованы значительной активизацией интереса органов власти к проблемам развития аборигенных этносов Советского Севера. Именно в этот период были изданы постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры малых народностей районов Севера» от 22 декабря 1954 г. и «О мерах помощи в развитии хозяйства и культуры районов Севера» от 10 декабря 1956 г., а также постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г., фактически определившие политику государства в отношении коренных народов арктических и приарктических районов нашей страны на четверть века.

С одной стороны названные постановления в определенной степени стали следствием деятельности научного сообщества – в них были отражены результаты проводившихся исследований и рекомендации, разработанные учеными по их итогам. С другой – подготовка и выход в свет важнейших правительственных документов приводили к интенсификации

процесса научного изучения арктических районов страны.

В частности, по сведениям М.Ю. Киселева, еще 3 марта 1954 г. руководство Госплана СССР обратилось к Академии наук (АН) СССР с предложением по интенсификации процесса научного изучения Заполярья [1, 122]. 10 декабря 1954 г. это предложение получило развитие в постановлении Президиума АН СССР «Об усилении научно-исследовательских работ по Советскому Северу». В соответствии с этим документом, в целях «координации исследований, выполняемых на Севере научными учреждениями Академии наук СССР», создавалась постоянная Комиссия по проблемам Севера. Ее председателем был назначен академик Д.И. Щербаков (Институт геологических наук АН СССР), а его заместителями академики И.П. Герасимов (Институт географии АН СССР) и В.С. Немчинов (Совет по изучению производительных сил [СОПС] АН СССР) [2, 208–209].

Согласно этому же постановлению в рамках новой структуры учреждались несколько секций, включая секцию народов Крайнего Севера, а в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР под руководством Б.О. Долгих был организован сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера (сектор Севера). На сектор возлагалась задача изучения культуры и быта аборигенов Севера и в первую очередь их современного положения [3, 17–18]. Как отмечает Е.П. Батянова, новое структурное подразделение должно было работать в соответствии с задачами Комиссии по проблемам Севера и осведомлять директивные органы о положении дел в регионе, направляя им специальные информационные документы – докладные записки [3, 18].

22 октября 1955 г. в Москве состоялся организационный пленум секции народов Крайнего Севера, ядро которого фактически составляли сотрудники сектора Севера. На заседании, которое вел заместитель директора Института этнографии М.Г. Левин, были рассмотрены планы и задачи работы секции на ближайшую перспективу, проведены выборы в бюро секции, а также заслушан доклад И.С. Гурвича «Состояние хозяйства и быта народов Севера по материалам экспедиций в северные районы Якутской АССР».

Обращает на себя внимание выступление руководителя заседания, задавшее тон его ходу, а, возможно, и последующей работе секции. Среди проблем, преодолению которых должна была содействовать деятельность ее участников, М.Г. Левин выделил следующие: вопросы перехода от кочевого к оседлому образу жизни, где, по замечанию выступающего, «были допущены ошибки, т.к. оседание производилось без учета местных традиций»; различные юридические нюансы; вопросы организации школьного обучения – в результате существующей системы дети оказывались оторваны «от своей семьи, от быта своего народа», получив же образование они «забывали занятия своего народа и делались бессильны в тундре» [4, 2–3]. При этом обучение родному языку зачастую «было неправильно поставлено» и велось на незнакомых для учащихся диалектах [4, 3].

В целом же, в ходе работы заседания были сформулированы такие ключевые задачи секции: содействие изучению народов Севера и их современного положения; обмен информацией и опытом по работе в арктических районах разных учреждений и ведомств; обсуждение отдельных проблем и разработка практических мероприятий, связанных с реорганизацией быта аборигенных этносов, хозяйственно-экономической и социокультурной сфер; привлечение к выработке путей реконструкции хозяйства и быта, развития культуры тех учреждений и организаций, «которые по роду своей деятельности должны этим заниматься» [4, 1–14].

Вскоре по поручению Комиссии по проблемам Севера сотрудники сектора Севера отправлялись в экспедиции в ряд арктических и приарктических районов Советского Союза. В частности, в 1956 г. И.С. Гурвич проводил изыскания в Верхнеколымском районе Якутской АССР и Магаданской области, Е.А. Алексеенко и Р.Ф. Итс работали в Туруханском районе Красноярского края. Год спустя И.С. Вдовин посетил Чукотку, В.А. Туголуков – Эвенкийский национальный округ, Б.О. Долгих и Л.А. Райнберг – Таймыр, З.П. Соколова – Ханты-Мансийский национальный округ и т.д.

Исследования И.С. Гурвича в Верхнеколымском районе Якутии включали изучение современного социально-экономического положения верхнеколымских юкагиров, сосредоточенных, главным образом, в колхозе

«Светлая жизнь» и его административном центре – с. Нелемное.

Следует отметить, что ученый застал село в период организации его переезда на новое место из-за последствий наводнения 1954 г. Тогда была смыта часть берега реки Ясачная, унесены водой здания колхозного склада и копильни, подмыты основания школы и магазина, а под местной больницей образовалась протока [5, 4–5].

Во многом данный факт, а также недостаточное финансирование переезда властями определили «весьма печальное» бытовое и «шаткое» экономическое положения местного населения, зафиксированное в ходе экспедиции.

Как отметил И.С. Гурвич, сооруженные наспех жилые дома летом заливались дождевой водой, а в холодное время года насквозь продувались ветрами. Однако даже таких сооружений хватило, главным образом, лишь для членов семей правления колхоза, руководства сельсовета и приезжих вольнонаемных рабочих. При этом в некоторых домах приходилось ютиться 3–4 семьям. Остальные же были вынуждены жить в чумах из лиственничной коры и матерчатых палатках [5, 7]. Более того, перевезенные на новое место здания школы и больницы после сбора районными энтузиастами «продувались, их полы качались, а рамы и двери были перекошены». Единственным средством отопления при этом являлись железные печки. В результате стационар был свернут, а роды принимались на дому. Усугубляла ситуацию острая нехватка кадров: врачей в больнице замещали два фельдшера, вместо положенных по штату трех медсестер работала одна [5, 7–9].

И.С. Гурвич отметил бесперспективность и пагубность насаждения юкагирам птицеводства, огородничества и свиноводства, имевшее место в начале 50-х гг. XX в. Подобная многоукладность хозяйства приводила, по наблюдениям ученого, к распылению и без того недостаточной рабочей силы, а также к перманентной переутомляемости наиболее трудоспособного населения. Последнее, естественно, сказывалось на здоровье людей: из 82 обследованных летом 1956 г. юкагиров у 37 был обнаружен туберкулез.

Основные причины экономических проблем аборигенов И.С. Гурвич увидел в низкой

стоимости трудодня, отсутствию у большинства семей личных хозяйств и их необеспеченности хозяйственным инвентарем – четверть хозяйств не имела необходимого снаряжения даже для ведения рыболовства или охоты [5, 7–14].

Положение населения Нелемного можно было объяснить недавними природными катаклизмами и переездом, однако увиденная в 1957 г. И.С. Вдовиным ситуация в Марковском и Анадырском районах Чукотского национального округа была не многим лучше.

Здесь наблюдались схожие проблемы: выделяемые на строительства жилья средства расходовались, в первую очередь, «на создание жизненных удобств для всевозможных служащих», местные же юкагиры, чуванцы и чукчи жили в старых избушках или ярангах и фактически были лишены культурно-бытовых удобств (электричество, радиоточки и др.); пагубные последствия имели эксперименты по внедрению животноводства и огородничества; происходило резкое сокращение поголовья оленей, находящихся в личных хозяйствах, из-за передачи их в колхозы или их «торопливого уничтожения» самими колхозниками, чтобы не производить различные выплаты; критику ученого вызвало, качество медицинского обслуживания. Кроме того, И.С. Вдовин отметил существенные недостатки проведенных землеустроительных работ, в рамках которых распределялись по хозяйствам пастбища и фактически не учитывались традиции землепользования аборигенов [6, 28–83].

Аккумулированы результаты проведенных полевых исследований были в докладе руководителя сектора Севера Б.О. Долгих в ходе совместного заседания Комиссии по проблемам Севера и Ученого совета Института этнографии АН СССР, состоявшемся 1 апреля 1958 г. в Москве. В работе заседания, проходившей под председательством Д.И. Щербакова, приняли участие 53 специалиста, которые, наряду со структурами – организаторами мероприятия, представляли министерства здравоохранения, культуры и просвещения РСФСР, отдел науки ЦК КПСС, Главное управление по планированию и досрочному заводу товаров в районы Крайнего Севера и приравненные к ним отдаленные местности, Главное управление Северного морского пути при Министерстве морского транспорта

СССР, Рыболовпотребсоюз, Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена (ЛГПИ), Институт национальных школ Академии педагогических наук (АПИ) РСФСР, а также редакцию газеты «Правда» [7, 4–5].

В начале своего выступления Б.О. Долгих кратко охарактеризовал успехи в решении проблем коренных народов Севера, достигнутые за время существования Советского Севера. К ним были отнесены создание собственной государственности в виде национальных округов, коллективизация, приведшая к организации сельскохозяйственный и рыболовецких артелей, охват всех детей школьным образованием, появление кадров национальной интеллигенции, новых поселков.

Львиная же доля доклада была посвящена анализу проблем в жизни аборигенных этносов. Как отметил по этому поводу сам Б.О. Долгих «предоставив вышестоящим директивным органам правдивые сведения о положении на местах и свои предложения об устранении имеющихся недостатков, мы исполним возложенные на нас обязанности и свой гражданский долг» [7, 9].

Дав оценку текущего положения народов Севера («в общем-то, тяжелое»), исследователь назвал и его важнейшие причины. Прежде всего, Б.О. Долгих отметил «теоретические промахи»: подчинение вопросов реконструкции хозяйства вопросам перестройки быта – т.е. насильственный перевод охотников и рыболовов на оседлый образ жизни, зачастую оборачивавшийся «трагическими результатами», а также ряд моментов проведенной коллективизации, когда, например, изъятие у крупных частных собственников оленей в конечном итоге отрицательно влияло на обеспеченность животными оленеводческих колхозов и жизненный уровень колхозников [7, 9–11].

Другой негативной стороной развития сельского хозяйства было названо фактическое отсутствие технического прогресса: в отличие от земледельческих и животноводческих хозяйств страны основные отрасли традиционной деятельности аборигенных этносов Севера – оленеводство, охота и, в меньшей степени, рыболовство и морской зверобойный промысел – оставались в техническом отношении обеспечены только примитивным

инвентарем. При этом практически сразу после создания колхозов, сообщил Б.О. Долгих, «местные организации, а также соответствующие ведомства ... потребовали от них резкого увеличения товарности. И колхозы стали давать эту товарную продукцию, но очень часто за счет потребления колхозников и их семей, а иногда и за счет поголовья оленей. Получилась своего рода “ложная товарность”, когда колхозы народов Севера отдавали не излишки своей продукции, а продукцию, необходимую для продовольствия своих членов и изготовления ими одежды и жилищ» [7, 10]. Кроме того, по сведениям ученого, стремление увеличить товарную продукцию вызывало перегрузку колхозников различными работами и их физическое перенапряжение, не давало возможность заниматься в частном порядке рыболовством и охотой. Все это привело к «неблагоприятному изменению пищевого рациона» аборигенных этносов – меньшему потреблению жира, мяса и рыбы, что в тяжелых условиях Севера «губительно отозвалось на состоянии здоровья части коренного населения» [7, 9–11].

Однако наиболее негативные последствия имели, по мнению Б.О. Долгих, «шаблоны в руководстве». К ним было, в частности, отнесено «внедрение во чтобы то ни стало» земледелия и скотоводства, по большей части нерентабельных в реалиях арктических и приарктических районов. Эти отрасли хозяйства приносили колхозам убытки, отнимали у колхозников массу сил, лишая их отдыха после суровой зимы, и «зачастую дискредитировали идею колхозов» [7, 11–12].

Кроме того, среди важнейших проблем докладчик назвал: имевшее место «невнимание к национальным интересам и особенностям народов Севера», когда «снялась забота» о сохранении этих этносов, развитии их культуры и языков; существовавшую систему народного образования, при которой преподавание не учитывало местную специфику, молодежь отвлекалась на различные специальности, не имевшие отношения к производству, а выпускники школ не получали навыков ведения охоты и оленеводства в тундровых и таежных условиях. Очень большой вред приносил и «непродуманный подбор кадров» – предоставление в районах проживания аборигенных этносов работы лицам, осужденным ранее по уголовным статьям. «Вечно пьяные, сквер-

нословящие» они, по наблюдениям Б.О. Долгих, «вносили разложение..., заражали венерическими болезнями, всячески обирали, развращали и зачастую терроризировали» коренное население, «вносили в местную жизнь привычки улицы, обычаи и жаргон преступного мира. В результате среди народов Севера появились неизвестные ранее преступления: кражи, хулиганство и т.п.» [7, 10–19].

В подтверждение кризисного положения народов Севера ученый привел сведения о сокращении их численности. Причем, как особо отметил докладчик, падала не только численность народов, рассматривавшихся, как вымирающие, но и изначально относительно благополучных этносов. Так, если чукчей в 1897 г. было 11771 чел., в 1926 г. – 12331 чел., то к концу 50-х гг. XX в. около 9,5 тыс. чел.. Численность нганасан в те же годы равнялась 876, 867 и 644 чел., соответственно. При этом рождаемость, например, хантов в 1950–1955 гг. была в 1,5 раза выше, чем в среднем по стране, а смертность превышала средние показатели в 3–4 раза [7, 12–13].

Непосредственными факторами, обусловившими отрицательную демографическую динамику, были названы четыре, тесно связанные между собой: неудовлетворительное материальное положение аборигенных этносов Севера (бедность), недостатки быта, социальные болезни и алкоголизм.

Как отметил Б.О. Долгих, несмотря на достаточно высокие показатели размеров денежных выплат сотрудникам северных колхозов, «каждому наблюдающему жизнь народов Севера бросается в глаза бедность их быта – иногда только хлеб и чай в качестве пищи в течение целых сезонов, плохая, зачастую рваная одежда, скученность, плохие, грязные без всякой обстановки жилища...» [7, 15–16]. К такому положению, по мнению ученого, приводило отсутствие у большинства колхозников из коренных народов Севера личных подсобных хозяйств и вынужденная, в этой связи, необходимость жить только за счет покупки продуктов и промтоваров в магазинах. В результате даже собственную продукцию – мясо, шкуры, рыбу они были «вынуждены покупать в магазинах, переплачивая в два-три раза». Кроме того, отмечал исследователь, часто большие заработки оказывались фиктивными – по факту из них удерживались зна-

чительные средства за выпас личных оленей, использование или утерю колхозных оленей и т.п. («иногда эти удержания превышают заработки и колхозники остаются должными колхозу»). Другой причиной сложного финансового положения аборигенных этносов, по мнению Б.О. Долгих, было неумение эффективно распоряжаться имеющимися денежными средствами, которые расходовались «быстро и нерационально». Причем одной из основных статей подобных трат являлись спиртные напитки [7, 13–16].

Главным виновником такой массовой алкоголизации аборигенных этносов Севера выступающий назвал торговые организации, которые, вплоть до выхода упомянутого ранее постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16 марта 1957 г. «стремясь выполнить план оборота в денежном выражении», фактически «спайвали коренное население». По приведенным исследователем данным, завоз спирта составлял 40 – 50 и более процентов стоимости поставляемых в национальные районы Севера товаров, а сами торговые организации в ряде районов массово завозили еще и одеколон, «прекрасно зная, что коренное население покупает его только для того, чтобы выпить». В качестве примера Б.О. Долгих привел увиденный сотрудниками его сектора случай, когда 14 нганасан за один вечер 5 августа 1957 г. выпили 40 флаконов одеколона [7, 18].

Однако наиболее важным фактором сокращения численности коренных народов Севера ученый определил социальные болезни и, прежде всего, туберкулез. Так, он сообщил, что по данным обследования 1956 г. это заболевание было выявлено у 50% нганасан. Кроме того, у 31% представителей данного народа обнаружили трахому, а от цинги страдали 100% взрослого населения. Причинами названных заболеваний Б.О. Долгих видел даже не столько в качестве медицинского обслуживания, сколько в неблагоприятных материальных условиях аборигенов Севера [7, 13–18].

Для исправления сложившейся ситуации ученый предложил несколько путей: отказ от принудительного внедрения земледелия и животноводства, перевода на оседлость, переселения аборигенов из традиционных жилищ («угрожающее распространение туберкулеза... едва ли не является ... также результатом замены чумов избами и т.н. балками»); сосредоточение усилий на развитии традиционных отраслей хозяйства коренных народов –

оленоводства, охотничьего промысла и рыболовства, включая их техническую реконструкцию (внедрение эффективных средств против «гноса», новых образцов стрелкового оружия, механизация труда и др.); «оздоровление торговли», предусматривавшее запрет ввоза спиртных напитков, улучшение снабжения товарами народного потребления и специальной продукцией для условий Севера, возрождение кустарных промыслов, а также создание «особой государственной специализированной хозяйственной организации, которая будет вести все заготовки и всю торговлю». Кроме того, Б.О. Долгих высказался за сокращение чиновничьего аппарата на местах; фокусировку образования на действительно необходимых Северу, специфических профессиях; наделение местных органов власти правом удаления нежелательных социально-вредных элементов; унификацию заработной платы приезжим и местным работникам («работают вместе два пильщика – русский и коряк, и первый получает вдвое больше»). Наконец, в целях сохранения традиционной культуры коренных народов, докладчик рекомендовал создание вблизи школ семи- и десятилеток небольших национальных центров, где необходимо было сосредоточить кадры национальной интеллигенции, вести работу по дошкольному воспитанию и санитарному просвещению на родном языке коренного населения, развитию самобытного традиционного искусства и изучению истории своего народа. Способствовать же решению названных выше проблем, по мнению Б.О. Долгих, должен был специальный центральный орган, в задачи которого входило бы «руководство хозяйственным и культурным строительством у народов Севера», координация деятельности различных ведомств, защита интересов аборигенных этносов в центральных и местных учреждениях, контроль за исполнением решений на местах [7, 20–37].

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на такой достаточно острый характер выступления, его критическую направленность в отношении оценки современного положения коренных народов Севера Советского Севера, только один из участников мероприятия, М.Г. Воскобойников (ЛГПИ), подверг доклад Б.О. Долгих некоторой обструкции за отсутствие в нем «элементов положительного порядка». Остальные же докладчики: И.С. Гурвич, П.Е. Терлецкий (хотя и отметивший, что сведения основного

докладчика «несколько утрированы»), Д.С. Вдовин, Е.А. Алексеенко (Институт этнографии АН СССР), К.Г. Кузаков (СОПС АН СССР) и М.Б. Черненко («Правда») – выступили с подтверждением ключевых положений, которые озвучил Б.О. Долгих [7, 38–106], что нашло отражение также в принятой по итогам заседания резолюции [7, 116–123].

Ряд острых вопросов был поднят и на состоявшемся 15 мая 1958 г. в Москве совместном заседании Комиссии по проблемам Севера и сектора народов Крайнего Севера Института этнографии АН СССР, которое было посвящено обсуждению проблем начального и среднего образования. В работе заседания также принимали участие сотрудники Госплана, министерств просвещения и культуры РСФСР, институтов истории материальной культуры и языкознания АН СССР, Института национальных школ АПИ РСФСР, ЛГПИ, Нюрбинского и Сунтарского районных отделов народного образования Якутской АССР, Ленинградского отделения Государственного учебно-педагогического издательства, Главкоопкульта и Роспотребсоюза [7, 322–323].

Основные доклады были сделаны П.В. Макаровым (начальник отдела нерусских школ Министерства просвещения РСФСР), сообщившем о состоянии образовательных учреждений и педагогических кадров на Крайнем Севере, и А.Ф. Войцовой (Институт национальных школ АПИ РСФСР), которая рассказала о существующих для школ региона программах и учебных пособиях [7, 144–192].

Однако больший интерес представляют сведения, озвученные учеными в ходе состоявшихся по итогам названных выступлений прений.

Так, И.С. Гурвич сообщил об увиденных им в ходе экспедиции в Корякский национальный округ в 1956 г. фактах: большая часть школ округа располагалась в непригодных помещениях, где отсутствовала звукоизоляция и «одни классы мешали заниматься другим», в кабинетах, зачастую, было очень холодно, не соответствовали росту учеников парты. Важнейшей проблемой ученый назвал «совершенное незнание» учителями начальной школы корякского языка, приводившее к необходимости перевода слов педагога учениками, которые владели русским языком, детям плохо его понимавшим. При этом сами учителя приезжали «откуда угодно, из таких областей, где у самих-то еще плохо знают русский язык»

и стремились «после отработки трех лет перебраться в более обжитые края». Еще одной проблемой было обучение многих детей в т.н. сдвоенных или даже строенных классах – когда на одном уроке в целях экономии занимались дети разных классов и возрастов (2-го и 4-го и т.п.). Наиболее же тяжелое положение И.С. Гурвич зафиксировал в интернатах Корякского округа. В них детям из-за тесноты помещений приходилось спать «по два человека на одной постели, на одной подушке, укрываться одной простыней». Подобная скученность, естественно, приводила к быстрому распространению инфекций и сказывалась на здоровье учеников (здесь уместно отметить, что на рассмотренном выше первоапрельском заседании 1958 г. чл.-корр. АН СССР С.П. Толстов назвал интернаты «рассадниками болезней», где «вымирают люди», а Б.О. Долгих привел сведения о семьях эвенов, в которых большинство детей умерло в интернатах и их родители «как милости просили не отдавать в интернат оставшегося ребенка, боясь лишиться и его») [7, 17–18, 107–108]. Кроме того, в выступлении И.С. Гурвича была отмечена и такая проблема, как размещение в непригодных помещениях интернатских столовых («...в Хаилинской начальной школе помещается в землянке, там же кухня. В интернатской столовой при Каменской средней школе занимались физкультурой, в интернате при Паланской окружной школе дети умываются в столовой и т.д.») и скудость рациона питания: дети практически не получали местных высококалорийных продуктов – мяса, рыбы, жиров, критически необходимых в условиях Севера, что также негативно отражалось на состоянии их здоровья [7, 197–206].

Схожие сведения по Чукотке предоставил и Г.А. Меновщиков (Институт языкознания АН СССР). Исследователь сообщил, что во время служебной поездки зимой 1954–1955 гг. он видел в интернатах трехъярусные кровати, на каждом ярусе которой спало по два ребенка. Говоря о текучести педагогических кадров, выступающий заметил, что по его наблюдениям, она была вызвана в том числе и плохими бытовыми условиями, предоставляемыми учителям – не имея квартир они сами были вынуждены ютиться вместе с другими служащими на двух-, трехъярусных кроватях в комнате площадью 7–8 м². При этом учителям из местных кадров не предоставлялись льготы, имеющиеся у приезжих специалистов [7, 244–247].

Перед тем, как подвести некоторые итоги, следует отметить, что в данной работе, учитывая ее рамки, было рассмотрено ограниченное количество документов. Подобных аналитических материалов сотрудники сектора Севера Института этнографии подготовили достаточно много. Так, например, самостоятельного рассмотрения, безусловно, заслуживает докладная записка И.С. Гурвича, написанная по итогам Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г. [8].

Вместе с тем, представляется, что приведенных сведений вполне достаточно, чтобы сделать вывод о несомненной ценности материалов деятельности Комиссии по проблемам Севера при изучении социально-экономического по-

ложения коренных малочисленных народов Советской Арктики в 50-е гг. XX в. В силу господствовавших идеологических установок и имевших место административных препон, публиковавшиеся по этому вопросу работы, как правило, носили комплиментарный характер, подчеркивающий заслуги советской власти. В документах же комиссии существовавшие проблемы показаны достаточно объективно. Дополнительную ценность документам придает тот факт, что в них были представлены разработанные учеными рекомендации по исправлению сложившейся ситуации, некоторые из которых, к сожалению, не утратили своей актуальности и в наше время.

Литература

1. Киселев, М.Ю. Исследования Арктики и Академия наук СССР [Текст] / М. Ю. Киселев // Инновационная наука. – 2015. – № 6. – С. 121–124.
2. Архив РАН (АРАН). – Ф. 2. – Оп. 6. – Д. 180.
3. Батянова, Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) [Текст] / Е.П. Батянова // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 4. – С. 17–34.
4. АРАН. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 673.
5. Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (НА ИЭА) РАН. – Ф. 142. – Оп. 2. – Д. 24.
6. НА ИЭА РАН. – Ф. 142. – Оп. 2. – Д. 29.
7. АРАН. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 955.
8. Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 359.

References

1. Kiselev, M.Yu. *Issledovaniya Arktiki i Akademii nauk SSSR* [Research of the Arctic and the Academy of Sciences of USSR]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science], 2015, no. 6, pp. 121–124.
2. *Arhiv Rossiyskoy Akademii nauk (ARAN)* [The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS)]. F. 2. Inv. 6. S. 180.
3. Batyanova, E.P. *Severnaya ekspeditsiya Instituta etnografii (1956–1991 gg.)* [The Northern expedition of the Institute of Ethnography (1956–1991)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2013, no. 4, pp. 17–34.
4. *ARAN* [ARAS]. F. 142. Inv. 1. S. 673.
5. *Nauchnyy arhiv Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja Rossiyskoy Akademii nauk (NA IEA RAN)* [Scientific Archive of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, the Russian Academy of Sciences (SA IEA RAS)]. F. 142. Inv. 2. S. 39.
6. *NA IEA RAN* [SA IEA RAS]. F. 142. Inv. 2. S. 29.
7. *ARAN* [ARAS]. F. 142. Inv. 1. S. 955.
8. *Rukopisnyy otdel Instituta gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennyykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk* [The manuscript department of the Institute of humanitarian researches and problems of indigenous peoples of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences]. F. 5. Inv. 1. S. 359.